

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

1892.

(съ приложеніемъ двухъ таблицъ и одного портрета).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1893.

۱۵ -
 ۱ -
 ۲ -
 ۳ -
 ۴ -
 ۵ -
 ۶ -
 ۷ -
 ۸ -
 ۹ -
 ۱۰ -
 ۱۱ -
 ۱۲ -
 ۱۳ -
 ۱۴ -
 ۱۵ -
 ۱۶ -
 ۱۷ -
 ۱۸ -
 ۱۹ -
 ۲۰ -
 ۲۱ -
 ۲۲ -
 ۲۳ -
 ۲۴ -
 ۲۵ -
 ۲۶ -
 ۲۷ -
 ۲۸ -
 ۲۹ -
 ۳۰ -
 ۳۱ -
 ۳۲ -
 ۳۳ -
 ۳۴ -
 ۳۵ -
 ۳۶ -
 ۳۷ -
 ۳۸ -
 ۳۹ -
 ۴۰ -
 ۴۱ -
 ۴۲ -
 ۴۳ -
 ۴۴ -
 ۴۵ -
 ۴۶ -
 ۴۷ -
 ۴۸ -
 ۴۹ -
 ۵۰ -
 ۵۱ -
 ۵۲ -
 ۵۳ -
 ۵۴ -
 ۵۵ -
 ۵۶ -
 ۵۷ -
 ۵۸ -
 ۵۹ -
 ۶۰ -
 ۶۱ -
 ۶۲ -
 ۶۳ -
 ۶۴ -
 ۶۵ -
 ۶۶ -
 ۶۷ -
 ۶۸ -
 ۶۹ -
 ۷۰ -
 ۷۱ -
 ۷۲ -
 ۷۳ -
 ۷۴ -
 ۷۵ -
 ۷۶ -
 ۷۷ -
 ۷۸ -
 ۷۹ -
 ۸۰ -
 ۸۱ -
 ۸۲ -
 ۸۳ -
 ۸۴ -
 ۸۵ -
 ۸۶ -
 ۸۷ -
 ۸۸ -
 ۸۹ -
 ۹۰ -
 ۹۱ -
 ۹۲ -
 ۹۳ -
 ۹۴ -
 ۹۵ -
 ۹۶ -
 ۹۷ -
 ۹۸ -
 ۹۹ -
 ۱۰۰ -

مجرد استنباط و سنجش است. .. نهاد کجاست و چه می تواند بکند استنباطی ..
عقل و استدلال و ادب .. دانش استنباطی و علم و فن استنباطی .. نهادی وجودی ..
مبدا و مبدا و صورت و مبداء استنباطی .. مبدا و مبدا و مبدا ..
استنباطی و سنجش و سنجش .. مبدا و مبدا و مبدا ..
و نهادی و نهادی و نهادی .. مبدا و مبدا و مبدا ..
و نهادی و نهادی .. مبدا و مبدا و مبدا ..
مجرد استنباطی و سنجش و سنجش .. نهادی و نهادی و نهادی ..
استنباطی و سنجش و سنجش .. مبدا و مبدا و مبدا ..
و نهادی و نهادی .. مبدا و مبدا و مبدا ..
استنباطی و سنجش و سنجش .. نهادی و نهادی و نهادی ..
و نهادی و نهادی .. مبدا و مبدا و مبدا ..

Калмыцкія сказкі.

VI.

Сказка про Харадай мэргэна, сына Тангаты мэргэна хана.

Встарину жилъ былъ нѣкій, владѣвшій царствомъ ханъ, называвшійся Тангаты мэргэнь, съ тремя сыновьями; имя старшаго его сына было Уладай мэргэнь, средняго сына — Шарадай мэргэнь, а младшаго сына — Харадай мэргэнь. Женилъ онъ своихъ двухъ старшихъ сыновей, хотѣлъ прискивать невѣстку за своего младшаго сына, вдругъ глаза хана потеряли зрѣніе и онъ пересталъ что-либо видѣть. Собрали тогда лекарей и начетчиковъ, лечили, но пользы не было; показывали ворожеямъ и знахарямъ, но никто изъ нихъ не нашелъ никакого средства. Тогда чиновники, сановники и старшины кочевьевъ, собравшись, доложили хану: «Какое же теперь будетъ средство для вашихъ глазъ?» Говоритъ ханъ: «для моихъ глазъ средства нѣтъ; есть одно средство, но какъ дѣти мои плохи, то это средство не выполнимо». — «Скажите его», докладываютъ чиновники, «можетъ быть найдется это средство?» Говоритъ ханъ: «если родившійся отъ меня сынъ увидитъ страну, которой я не видалъ, то мои глаза придутъ въ прежнее положеніе, а если нѣтъ, — такъ нѣтъ». Тогда, услыхавши такія рѣчи, старшій сынъ, Уладай мэргэнь, «я пойду», говоритъ; надѣлъ своя лучшія одежды, пристягнулъ свое лучшее оружіе, приказалъ ѣхать за собою тысячу лучшихъ молодцовъ, взялъ на каждаго по двѣ лошади, навьючилъ на слона провьянту и поѣхалъ по направленію на западъ. Ыхалъ онъ близко къ тому, что изнурилось у нихъ по одной лошади и началъ оканчиваться провьянтъ и доѣхалъ дотуда, гдѣ было дерево въ шестьдесятъ развилки и люди о шестидесяти языкахъ. «Вѣроятно, мой батюшка этой мѣстности не видывалъ», думаетъ, и воротился. Потомъ истощился у нихъ забранный провьянтъ; нѣкоторыя лошади изнурились, подохли. Утомившись и взнемогая, доѣхалъ Уладай мэргэнь, входитъ, слѣпой отецъ его сидитъ въ томъ же положеніи. Когда онъ поздоровался: «батюшка», говоритъ, «здорово ли, благополучно ли живете?» Ханъ: «живу», говоритъ, «ты, дитяtko, здорово ли ходилъ, куда доѣхалъ и подъ какимъ названіемъ землю видѣлъ?» Сынъ:

«доѣхалъ», говорить, «до дерева о шестидесяти развилинахъ, видѣлъ людей о шестидесяти языкахъ». — «Это вѣдь страна, въ которой я былъ ханомъ въ шестидесятомъ году!» сказалъ ханъ. Потомъ средній сынъ: «я пойду», говорить; опять собрался ѣхать какъ Улѣдай мѣргѣнъ, выѣхалъ и поѣхалъ. Доѣхалъ до дерева о шестидесяти развилинахъ и до народа о шестидесяти языкахъ; думаетъ: «сюда вѣдь пріѣзжалъ мой старшій братецъ!» Ѣдетъ еще дальше, доѣзжаетъ до дерева, у котораго было семьдесятъ развилинъ, и до народа о семидесяти языкахъ и думаетъ: «Эту мѣстность мой батюшка, по всей вѣроятности, не видѣлъ; а хоть бы и видѣлъ, такъ подводы изнурились, провянуть истощился, дальше ѣхать нельзя!» — воротился. Опять изнемогая, изнурившись, пѣшкомъ и почти голый поклонился и поздоровался со своимъ отцемъ Шарѣдай мѣргѣнъ. Поздоровался и отецъ съ нимъ: «докуда ты дошелъ и подъ какимъ названіемъ землю видѣлъ?» спрашиваетъ. — «Минувалъ я дерево о шестидесяти развилинахъ и народъ о шестидесяти языкахъ и воротился, доѣхавъ до дерева о семидесяти развилинахъ и до народа о семидесяти языкахъ», — отвѣчалъ сынъ. — «Это вѣдь страна, въ которой я сидѣлъ ханомъ въ семидесятомъ году!» сказалъ ханъ.

Послѣ такихъ рѣчей сказалъ: «я пойду!» младшій сынъ, Харѣдай мѣргѣнъ. Онъ сдѣлалъ и одѣлъ желѣзные сандали, взялъ желѣзный посохъ, провянту взялъ одну связку сушеного творога, вышелъ и пошелъ. Идетъ онъ оттуда, дошелъ до дерева о шестидесяти развилинахъ и до народа о шестидесяти языкахъ, — думаетъ: «по всей вѣроятности, сюда приходилъ мой старшій братецъ»; идетъ еще дальше, дошелъ до дерева о семидесяти развилинахъ и до народа о семидесяти языкахъ, — думаетъ: «по всей вѣроятности, сюда приходилъ мой средній братецъ»; идетъ еще дальше, дошелъ до дерева о восьмидесяти развилинахъ и до народа о восьмидесяти языкахъ, — думаетъ: «вѣроятно и это видѣлъ мой батюшка!» Идучи еще дальше, потерялъ онъ счетъ, сколько сутокъ и сколько мѣсяцевъ было его ходьбы. Пока онъ шелъ, продиравались подошвы его желѣзныхъ сандалій, силы и крѣпость его истощались. Идетъ и приходитъ на границу кочевьевъ одного хана. Захотѣлось ему повидаться съ проходившимъ пастухомъ, который караулил десять тысячъ рыжихъ овецъ, и, въ ту пору какъ проходилъ онъ сбоку овечьего стада, видитъ, что громадная, черная змѣя стала глотать съ задней части тѣла барана, у котораго были рога, какъ у большого аргали; но рога барана застряли по угламъ рта змѣи: и дальше не входитъ, и назадъ не выходятъ, — оба (и змѣя, и баранъ) умираютъ. Молодецъ посмотрѣлъ на нихъ съ состраданіемъ, потянулъ и вытащилъ. Баранъ, выскочивъ, побѣжалъ въ сторону своего стада, а змѣя ожила, обвила молодца своимъ тѣломъ и не пускаетъ. Испугался молодецъ и, не будучи въ состояніи высвободиться, ду-

маеть,—что бы могло ему помочь. Змѣя выставила свое жало и всунула его въ ротъ молодцу. Молодецъ испугался, думаетъ: «какъ бы сдѣлать получше;» полизалъ змѣиное жало и стало понятно молодцу все, что говорятъ змѣи. Говоритъ тогда змѣя: «я человѣкъ изъ подземнаго царства, имѣющій способность превращаться въ змѣю; такъ какъ ты оказалъ услугу для моей жизни, то поди и будь у насъ гостемъ; чтобы отплатить тебѣ за благодареніе, я дамъ тебѣ три вещи, которыя ты попросишь». — У молодца на умѣ: «мнѣ нужно увидать страну, которую не видалъ еще мой отецъ», думаетъ онъ, «а подземное царство, по всей вѣроятности, есть именно такая страна, которой мой отецъ не видывалъ; тѣмъ не менѣе, отправившись туда, какимъ способомъ я выйду оттуда?» И говоритъ онъ змѣѣ: «у меня вовсе не было намѣренія доставлять тебѣ благодареніе; а когда два существа были при смерти, я, правда, разъединилъ ихъ; ты просишь, говоришь: «пойдемъ къ намъ»; я бы, пожалуй, и пошелъ, по твоему желанію, да боюсь, раздумываю, какъ я ворочусь назадъ». — «Этого не бойся», говоритъ змѣя, — «я не только выведу тебя назадъ, но и доставлю тебя въ мѣсто, куда только ты пожелаешь идти!» Молодецъ: «ладно!» говоритъ, и когда сѣлъ верхомъ на змѣю, то змѣя, при своемъ движеніи оттуда, черезъ горы переваливаетъ, черезъ воды переправляется, не зная—летитъ, не зная—по землѣ идетъ; въ силу быстроты ея, молодецъ по временамъ смотритъ глазами, по временамъ замурится. Двигутся они такимъ образомъ, пролѣзли въ скважину какой-то необычайно громадной горы, шли, шли и какъ ступили на нижнюю ступеньку, змѣя предстала, превратившись въ подстароватаго человѣка. Говоритъ тогда старикъ молодцу: «вотъ и мой домъ, входи сюда!» — вошелъ въ свой домъ и молодецъ вошелъ въ слѣдъ за нимъ. Смотритъ на правую сторону — лежитъ бѣлая змѣя, на лѣвой сторонѣ — лежитъ черная змѣя. Вошелъ старикъ въ свой домъ, «старуха и дочка, вставайте!»—говоритъ, «приготовляйте кушанье и питье!» Встряхнулась бѣлая змѣя и встала, сдѣлавшись хорошенькой дѣвушкой; встряхнулась черная змѣя и встала, превратившись въ старуху. Разказалъ старикъ старухѣ и дѣвушкѣ подробно о томъ, что этотъ молодецъ сдѣлалъ ему благодареніе и сталъ веселить молодца кушаньями, напитками, всякими пирами и играми. Молодецъ прожилъ тамъ три мѣсяца и сказалъ дѣвушкѣ, что теперь намѣренъ уже возвращаться назадъ. Говоритъ тогда дѣвушка: «теперь, когда мой батюшка скажетъ вамъ, — проси у меня три вещи, что вы возьмете?» — «Я не знаю, что брать!» — говоритъ молодецъ, — «Я ханскій сынъ, — мнѣ ничего не надобно; только бы теперь подняться на верхъ въ свое царство и довольно!» Дѣвушка говоритъ ему: «когда батюшка скажетъ вамъ, — проси три вещи, то вы должны просить вотъ что: дай, говорите, свой черный оселокъ, который

лежить въ сундукѣ; дай, говорите, своего чернаго коня Хамбарыйнъ, который находится въ табунѣ; затѣмъ, что просить третье, сами знайте!» Потомъ говоритъ молодець старику: «я ворочусь!» — Сказалъ ему и обстоятельства, при которыхъ пришелъ, и основательныя причины, по которымъ долженъ возвратиться. Говоритъ старикъ: «проси у меня три вещи; такъ какъ ты помогъ моей жизни, то я не могу забыть своего слова, которое сказалъ прежде». Молодець: «что же», говорить, — «я буду просить у васъ въ такомъ случаѣ? Вотъ вещи, которыя вы дадите мнѣ: дайте свой черный оселокъ, который лежитъ въ сундукѣ; дайте своего чернаго коня Хамбарыйнъ, который находится въ табунѣ!» — Старикъ отвернется назадъ — заплачетъ, посмотреть прямо — засмѣется: «Старуха», говорить, «вынь и дай свой черный оселокъ; молодцу, оказавшему благодѣяніе, нельзя не дать того, что онъ просить!» — взявъ узду и пошелъ въ свой табунъ. Говоритъ тогда старуха: «если отдать черный оселокъ, который лежитъ въ сундукѣ, то лопнуть и остатки нашей казны; если отдать чернаго коня Хамбарыйнъ, который находится въ табунѣ, пропадутъ и остатки нашего табуна!» Такъ говоря, отвернется она назадъ — заплачетъ, посмотреть прямо — засмѣется, вытащила свой черный оселокъ и отдала. Потомъ старикъ привелъ своего чернаго коня Хамбарыйнъ, осѣдлалъ его: «старуха», говорить, — «свари хорошій чай, а я въ послѣдній разъ проѣдусь изъ своего дома и приѣду!» Съ этими словами онъ сѣлъ и поѣхалъ. Старуха и дѣвушка сварили тогда чай, заправили его молокомъ, процѣдили и какъ начали подкладывать масла, старикъ приѣхалъ, слѣзъ съ коня и говорить: «Побѣжка чернаго Хамбарыйнъ немножко пошла на убыль: прежде бывало, пока взѣдешь на вершину высокой горы, да приѣдешь, только заправляли молокомъ; а теперь когда я приѣхалъ, подкладываютъ масло!» Потомъ попили чай. «А ну-ка я», говорить молодець, «попробую ѣхать!». Сѣлъ на лошадей, выѣхалъ, поднялся вверхъ по той скважинѣ, по которой прошли они внизъ, да какъ стегнулъ чернаго коня Хамбарыйнъ, то вслѣдствіе быстроты лошади не могъ смотрѣть и глазами. Пробѣжалъ онъ нѣкоторое пространство и едва едва, затянувши удила, могъ остановить. Посмотрѣлъ онъ, показался ему въ отдаленіи какой-то громадный предметъ: — Поѣхалъ онъ по направленію къ тому предмету и вотъ подъ прекраснымъ тополемъ, достигающимъ до неба, шелеститъ травка зеленаго луга, журчитъ вода холоднаго ключа. Слѣзъ молодець съ коня, напился воды, сталъ умываться, глядь, — лежитъ прекрасное золотоцвѣтное перо. Молодець, — хватъ; только что взялъ его, а лошадь говорить: «не бери этого пера; отъ этого пера будетъ бѣда, а въ несчастномъ случаѣ, такъ и до жизни дѣло дойдетъ!» — Молодець бросилъ. Потомъ, когда лошадь ходила и ѣла, онъ взялъ тайкомъ отъ лошади это перо, завернулъ

его въ шелковый платокъ, положилъ въ боковой карманъ, сѣлъ и поѣхалъ. Ёдетъ онъ, передъ нимъ кочевье какого-то хана; подъѣзжаетъ къ ханской юртѣ, на приколѣ стоитъ кроваво-рыжая лошадь и воткнуто окровавленное красное копые. Сравнилъ молодецъ съ его лошадыю свою лошадь, его лошадь отъ бедеръ выше; сравнилъ съ его копыемъ свое копые, его копые отъ желѣзка выше. Думаетъ молодецъ: «его лошадь больше моей лошади, его копые выше моего копыя, должно быть и самъ онъ будетъ больше меня!» Смотритъ,—ни снаружи, ни внутри не видно ни одного прохожаго человѣка. Слѣзъ тогда молодецъ съ своей лошади, входитъ въ ханскую юрту,—никого другаго нѣтъ, одинъ только бѣлолицый ханъ сидитъ на престолѣ, передъ нимъ стоятъ шахматы и онъ разставляетъ шашки. Вошелъ молодецъ, сѣлъ. Говоритъ тогда ханъ: «что ты за молодецъ, откуда и куда ѣдешь?» Отвѣчаетъ молодецъ: «я — ни кого, и ни чей, а я — сирота. Дадутъ много — переночую, дадутъ мало — пополдничаю,—вотъ какъ проживаю я». — Спрашиваетъ ханъ: «ты, молодецъ, можешь играть въ шахматы?»—«Могу!» говоритъ. «Ну такъ садись сюда», говоритъ,—«сыиграемъ вдвоемъ!»—Подошелъ молодецъ, сѣлъ.—«Ты, молодецъ, вѣроятно, знаешь мою ставку?» спрашиваетъ ханъ. Молодецъ: «вашей ставки я не знаю; какая ваша ставка?» говоритъ.—«Моя ставка», говоритъ,—«если ты мнѣ сдѣлаешь матъ, ты меня убьешь; а если я тебѣ сдѣлаю матъ,—я тебя убью».—«Въ такомъ случаѣ я играть не буду: мнѣ нѣтъ нужды играть, выставляя на ставку свою жизнь!»—говоритъ молодецъ.— А ханъ: «ты развѣ не слыхалъ обо мнѣ молвы?» говоритъ,—«я убиваю тѣхъ, кто игралъ со мною въ шахматы; около меня нѣтъ ни одного человѣка; ты безъ отговорокъ ставь со мною шашки! Я выйду и сейчасъ приду!» съ этими словами онъ вышелъ. Тогда молодецъ началъ разставлять шашки, да какъ посчиталъ ихъ всѣ, оказывается, одинъ рядъ противъ законной доски лишній. Сидитъ молодецъ, понявъ его обманъ, и когда ханъ пришелъ и начали играть въ шахматы, молодецъ далъ матъ. Какъ только далъ матъ, выхватилъ свой мечъ, «теперь, ханъ, а далъ вамъ матъ!» говоритъ.—«Постой, молодецъ», говоритъ ханъ, «поставимъ еще на одинъ разъ, я недоволенъ!» Поставили опять. Опять молодецъ далъ матъ. «Теперь я васъ убью!» говоритъ и обнажилъ свой мечъ. Тогда ханъ: «постой молодецъ»,— говоритъ,— «Въ шахматахъ¹⁾». Когда начали играть въ третій разъ, опять молодецъ далъ матъ, взялъ свой мечъ, всталъ, хотѣлъ рубить, а ханъ говоритъ: «погоди, молодецъ, пощади мою жизнь: съ этой

1) Слова: *ᠬᠠᠭᠢᠨ ᠰᠠᠬᠤᠮᠠᠳᠤᠨ ᠠᠨᠢᠨᠠᠭᠤᠰᠤᠨ* "составляютъ, по всей вѣроятности, какое нибудь техническое выраженіе принятыхъ у калмыковъ условій шахматной игры. Смыслъ этихъ словъ намъ неизвѣстенъ.

поры я и играть въ шахматы брошу, и людей убивать брошу; буду считать тебя все равно какъ своего роднаго брата; пощади мою жизнь!» Съ этими словами онъ поклонился ему. «Ну, коли такъ, такъ пусть будетъ такъ!» — сказалъ молодецъ и не убилъ его.

Потомъ ханъ и молодецъ, какъ родные братья, начали веселиться, кушать вкусныя яства и напитки; собрались тогда и прежде бѣжавшіе (отъ хана) хурұлъ и духовенство, чиновники и сановники, ханскіе прислуживки и молодцы, и всѣ они зажили въ спокойствіи и довольствѣ. Въ ту пору сталъ ханъ жаловать молодца Харāдай мѣргѣна и Харāдай мѣргѣнъ вель своими руками все гражданское и духовное правленіе: онъ хранилъ у себя всѣ замки и ключи отъ казны; тѣхъ, которые ему нравились, поселялъ при ханской юртѣ, а тѣхъ, которые не нравились, — прогонялъ; короче сказать, не ханъ сталъ ханомъ, а сталъ ханомъ Харāдай мѣргѣнъ. Всѣ начали завидовать Харāдай мѣргѣну и думали о томъ, чтобы приискать средство возбудить противъ него непріязненные чувства въ ханѣ. Въ ту пору молодецъ однажды вынулъ и поднесъ хану свое прежде найденное перо. Ханъ взявъ, удивлялся тому перу и еще больше началъ жаловать молодца. Молодецъ, вошедши во вкусъ ханскихъ милостей, мало-по-малу поднималъ свое самолюбіе. Тогда народъ, посоветовавшись, (порѣшилъ) на мнѣніи, что средство-де возбудить противъ него непріязненные чувства (у хана) знаетъ нашъ Йолгү-абагай и послалъ человѣка съ порученіемъ отправиться къ нему и спросить средство. Отправился тотъ человѣкъ къ Йолгү-абагаю и въ подробности разсказалъ ему о тѣхъ обстоятельствахъ. Абагай говоритъ: «такъ какъ онъ умирилъ хана, то и ханъ сталъ спокоенъ, и вы всѣ, и всѣ подданные стали наслаждаться тишиною. Коли жалуешь его ханъ, то и вы, и мы, — всѣ должны благодарить его и чествовать. Напротивъ, будьте благодарны и почтительны къ нему!» съ такими словами отправилъ онъ посла назадъ. Тотъ пришелъ и передалъ остававшемуся народу то, что приказалъ Йолгү-абагай. Разсердился народъ на посла: «ты», говоритъ, «не могъ передать просьбы!» — «Ну такъ ступайте сами», отвѣчалъ посоль. Отправились они толпою и склонили Йолгү-абагаю на свою сторону: «Онъ», говорятъ, «не выдаетъ намъ провьянту, не даетъ намъ ничего, наказываетъ насъ; пожалуй, скажи намъ средство!» Спрашиваетъ Абагай: «по какой же причинѣ жалуешь его ханъ?» — Они отвѣчаютъ: «онъ поднесъ перо какой-то прекрасной птвицы, ханъ обрадовался и началъ его жаловать.» — «Какое же это перо?» спрашиваетъ Йолгү-абагай. — Они разказали примѣты. — «Въ такомъ случаѣ», говоритъ, «вы, когда ханъ будетъ одинъ, доложите ему, будто этотъ Харāдай мѣргѣнъ говоритъ, что ханъ — безмозглый дуралей: я де поднесъ ему такое хорошее перо, что же онъ не старается получить черезъ меня

птицу съ такими перьями?! такъ и доложите!»— Съ этими словами онъ отпустилъ ихъ назадъ. Потомъ пришли они и, когда Харăдай мэргэна не было, доложили настоящія рѣчи хану. Ханъ: «пъ такъ можно!» говорить, призвалъ Харăдай мэргэна и спрашиваетъ: «Откуда ты взялъ это перо и отъ какой птицы это перо?» Молодецъ: «я нашелъ», говорить, «на землѣ; а какой птицы это перо я не знаю».— Тогда ханъ, «ты», говорить, «злословилъ меня, говорилъ: почему ханъ, безмозглый дуралей, не старается получить черезъ меня птицу этого пера?»— Молодецъ: «я не говорилъ», говорить; но хотя клялся и божился, ханъ не вѣрилъ и сказалъ: «непремѣнно принеси птицу съ такими перьями; а если ты убѣдишь, то хоть бы ты взошелъ на небо, или скрылся подъ землю, я разыщу и убью тебя». Харăдай мэргэнь взялъ свою узду, пришелъ къ своему вороному коню Хамбарыйнъ и началъ его уздать. Говоритъ тогда лошадь: «куда ты на мнѣ хочешь ѣхать?»—«Тайкомъ отъ тебя», отвѣчаетъ молодецъ, «я взялъ то перо, которое ты не приказывала брать и подарилъ его хану; теперь онъ говорить, принеси птицу съ такими перьями, а если не достанешь, я казню тебя. Есть ли средство?» Говоритъ лошадь: «если бы ты прежде слушался меня, были бы мы спокойны; а теперь это дѣло еще не опасно, послѣ этого выйдегъ еще страшнѣе,— боюсь я!» говорить. «Теперь ты ступай къ хану и проси у него десять ведеръ крѣпкаго, три раза перегнаннаго вина; возьми корытце, въ которое можно влить это вино; возьми сѣтъ, величпную въ сто маховыхъ саженой; да возьми черную бурку; все это ты навьючъ на меня и поѣзжай самъ». Харăдай мэргэнь привелъ своего вороного коня Хамбарыйнъ, пошелъ къ хану, доложилъ, навьючилъ все, что говорила лошадь и поѣхалъ. Потомъ, какъ пустилъ онъ вороного коня Хамбарыйнъ, такъ, при быстротѣ бѣга вороного Хамбарыйнъ, отъ гривы и хвоста его звучали звуки скрипки и ятагй, въ подъ чегырехъ черныхъ копытъ его сыпался огонь, въ воздрей клубился дымъ, и, при бѣгѣ его, ѣхалъ молодецъ, закрывши глаза и держась за гриву. Пробѣжала нѣсколько лошадь и вдругъ стала. Открывъ тогда молодецъ глаза и вотъ пріѣхалъ и стоять онъ на большой черной сопкѣ, находящейся среди большой равнины въ густомъ лѣсу. Говоритъ тогда лошадь: «Сними и положи мое сѣдло; засимъ у подножія этой сопки поставь корытце и вылей въ него десять ведеръ вина, самъ же ты прикройся черною буркой и сиди на сѣдлѣ; кромѣ того на задней сторонѣ горы вколоти колья и разставь стосаженную сѣтъ. Эта сопка», говорить, «есть сопка, на которой живетъ птица ханъ-гариды; а это перо есть перо злой птицы, называемой дүдхалъ; будь остороженъ по отношенію къ себѣ!» такъ она сказала и убѣжала. Исполнилъ онъ все, что говорила лошадь и сѣлъ. Сидитъ онъ такимъ образомъ и вотъ собрались всѣ птицы вселенной, кла-

пляются и уходятъ; напоследокъ приходитъ эта птица, называемая дѣдхалъ; видъ ея—красный какъ огонь, блистаетъ золотымъ цвѣтомъ. Пришла она, поклонилась и стала перепрыгивать около сѣти; напилась вина, которое стояло въ корытцѣ; закружилась у ней голова, ходить, оныябля, начала писать мыслете, потомъ, запутавшись въ сѣть, стала биться, и, запутавшись вилотную, потеряла возможность шевельнуться. Думаетъ тогда молодець: что я теперь буду дѣлать, и въ ту пору прибѣгаетъ его вороной конь. Осѣлавъ, онъ посадилъ птицу въ торока и поѣхалъ. Вороной конь—живкъ!—полетѣлъ; а молодець тѣмъ же порядкомъ закрылъ глаза и держится за гриву. Когда прошло примѣрно нѣсколько дней и ночей, лошадь остановилась;—глядь, стоитъ она на дворѣ у хана. Вышелъ тогда ханъ, радуется, бьетъ себя по ляжкамъ, смѣется до хохоту. Приказалъ сдѣлать шапочку на голову птицѣ, приказалъ сдѣлать ей браслетки на ноги, посадилъ ее на подставочку, молодца наградилъ, подалъ ему питье и кушанье, повеселилъ и молодець сдѣлался еще больше прежняго въ милости. Тогда тотъ народъ, пища средства поставить его въ неприязненные отношенія, отправился къ Йолгү-абѣгаю и, говоря, «вотъ что сталося», сполна разказалъ ему объ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ сталъ любимцемъ. Йолгү-абѣгай: «въ такомъ случаѣ», говоритъ, «доложите хану, будто онъ говорилъ, каково было бы, если бы ханъ постарался получить черезъ меня прекраснѣйшую дѣвушку въ мірѣ, и женился на ней?! Если это будетъ такъ и если онъ пойдетъ за нею, то погибнетъ».—Тогда они пришли и доложили объ этомъ хану, а ханъ, призвавши молодца, говоритъ ему: «приведи мнѣ прекраснѣйшую дѣвушку въ мірѣ!»—«Я не знаю, гдѣ находится прекраснѣйшая дѣвушка въ мірѣ!»—отвѣчалъ молодець. На такой отвѣтъ, ханъ,—«ты хвасталъ этимъ людямъ», говоритъ, «безъ отговорокъ,—приведи!» и такъ послалъ его. Взялъ молодець узду, отправился къ своему вороному коню Хамбарыйнъ и разказалъ, что случилось. Говоритъ лошадь: «теперь дѣлать нечего; бери у хана мѣшокъ, въ величину съ человѣка, мелко искрошенныхъ пряженцовъ, и поѣзжай». Молодецъ привелъ лошадь, осѣдалъ, взялъ мѣшокъ мелко искрошенныхъ пряженцовъ и поѣхалъ. Потомъ черная лошадь полетѣла, скакала, не считая день за день и ночь за ночь и вдругъ остановилась. Какъ глянулъ онъ на мѣсто,—видитъ,—стоитъ на берегу великаго моря Тангисъ. Посреди этого моря стоитъ прекрасный дворецъ; а по берегу того моря множество людей, которые стоятъ, привязавъ за луку сѣдла своихъ лошадей и держа ихъ за чумбуры. Говоритъ лошадь: «вдпишь ли ты это множество людей? Все это сыновья хановъ и князей; они приходили съ намѣреніемъ взять прекраснѣйшую дѣвушку въ мірѣ и всѣ сполна и сами и съ лошадьми превратились въ каменныхъ пстукановъ. Теперь посчитай ихъ:

если дошло до ста человѣкъ, ну, такъ твое счастье; а если не дошло еще до ста, такъ и мы также точно превратимся въ каменныхъ истукановъ». Посчиталъ онъ, — ровно сто человѣкъ. Говорить тогда лошадь: «теперь, помолись, становись съ краю этихъ людей, также точно какъ эти люди, и трижды крикни: «прекраснѣйшая дѣвушка въ мѣрѣ, я прѣхалъ приглашать вась!» — Когда она такъ сказала, молодецъ подѣхалъ къ краю, слѣзь, привязалъ своего коня за луку, взялъ его за чумбуръ и насколько было силы крикнулъ: «прекраснѣйшая дѣвушка въ мѣрѣ, я прѣхалъ приглашать вась!» По колѣна превратился въ камень. Посмотрѣлъ на своего коня, и онъ до колѣнъ сталъ камнемъ. Какъ крикнулъ во второй разъ, превратился въ камень по поясницу и лошадь его также на половину стала камнемъ. Тогда лошадь: «теперь», говорить, «дѣлать нечего, — кричи поскорѣе еще разъ!» Какъ крикнулъ онъ еще разъ, тотчасъ же открылось окно во дворцѣ и прекраснѣйшая дѣвушка въ мѣрѣ, высунувшись по поясъ, брызнула на него чашкой воды. Долегла та вода до молодца, оросила его и окаменіе молодца уничтожилось, — онъ принялъ прежній видъ. Въ ту пору лошадь говорить: «теперь поскорѣе снимай сапоги, бери мѣшокъ искрошенныхъ пряженцевъ и бѣги. Это бѣлѣющее не вода, а стекло. Какъ перебѣжишь ты черезъ него, отворишь дверь, которая обращена на востокъ, да войдешь, на встрѣчу тебѣ выйдетъ старуха — хощь-хубаракъ, изсохшая, сѣдая, костлявая (олэ шмэ-уга) и спросить, что ты за человѣкъ, который самонадѣянно пришелъ въ этотъ дворецъ? Тогда ты скажи: матушка, я принесъ вамъ подарокъ, раскрой свой мѣшокъ и поставь передъ нею; потомъ дальше открой и входи въ тѣ двери, въ которыя вышла старуха; дальше еще покажутся однѣ двери; какъ откроешь и войдешь въ нихъ, такъ и будетъ сидѣть прекраснѣйшая дѣвушка въ мѣрѣ. Какъ возьмешь ты ее молчкомъ, да будешь выходить, то сзади тебя старуха будетъ говорить, — «постой!» будетъ заставлять оглянуться назадъ, будетъ кричать много словъ, но ты безъ оглядки бѣги ко мнѣ!» Пошелъ молодецъ по словамъ лошади, взялъ дѣвушку и пришелъ. «Ну, теперь садись!» говорить. Сѣлъ онъ верхомъ, дѣвушку положилъ и пустилъ вороного коня. Вороной конь бѣжалъ, бѣжалъ и вдругъ остановился. Глядь, онъ стоитъ передъ дверями хана. Выходитъ тогда ханъ, увидалъ дѣвицу, безгранично обрадовался, снялъ дѣвушку, устроилъ безъ счета радостныхъ пировъ и, когда хотѣлъ онъ жениться на ней, говорить дѣвушка: «если ты хочешь жениться на мнѣ, то пригони мой дойный табунъ; а нѣтъ, такъ я не буду твоею женою». — «Гдѣ-же находится твой табунъ?» сказалъ ханъ. А дѣвушка: «человѣкъ, который привелъ меня, найдетъ и мой табунъ», говорить. Тогда ханъ призвалъ молодца Харадай мэргэна и говорить: «пригони дойный табунъ этой

прекраснѣйшей дѣвушки въ мірѣ!»—«Я не знаю гдѣ онъ находится!» отвѣчалъ молодецъ. Говорить на эти слова ханъ: «ты постоянно говорилъ, что не знаешь и доставалъ все, что я приказывалъ; не говори много отговорокъ, а скорѣе ступай и пригони!» Съ этими словами онъ выслалъ его. Тогда молодецъ взявъ узду, пришелъ къ своему вороному Хамбарійинъ и, надѣвая на него уздечку, говоритъ: «приказываютъ пригнать доинный табунъ прекраснѣйшей дѣвушки въ мірѣ; какъ теперь быть получше?» Отвѣчаетъ лошадь: «теперь возьми ты у хана телѣгу холста, возьми телѣгу желтаго рыбагю клей, да возьми котель, въ которомъ можно растопить клей; потомъ навьючь все это на меня и поѣзжай; теперь и я могу вздохнуть, и ты можешь погибнуть!» — «Что бы ни было, выхода нѣтъ!» сказалъ молодецъ; взявъ сиолна все, что говорила лошадь и поѣхалъ. Потомъ, оттуда добрался онъ до мѣста, на которомъ остановилась лошадь, глядя, — стоитъ онъ на отвѣсномъ бѣломъ яру рѣки Ганга. Говоритъ тогда лошадь: «теперь слѣзай, варп клей, а сваривши, намазывай на меня, потомъ обвертывай меня полотномъ; опять намазывай и опять обвертывай; такъ намазывай и обвертывай по всему моему тѣлу, силошь, пока покончишь все полотно и клей; затѣмъ поищи пещеру въ скалѣ, залижь въ ней и смотри: мы вдвоемъ будемъ бороться; если покажется красная пыль, говори — «умеръ мой вороной!» и какъ тебѣ быть, — самъ знай; а если покажется черная пыль, — говори: «побѣдилъ мой вороной!» и бѣги, привязывай на веревку!» После такихъ словъ молодецъ сдѣлалъ сиолна все, что говорила лошадь, связалъ въ связку свое сѣдло, и, нашедши пещеру въ нѣкой скалѣ, залегъ въ ней. Тогда вороной конь началъ бѣгать вверхъ и внизъ по теченію рѣки-моря Ганга и какъ трижды проржалъ, вышелъ со дна морскаго соловый жеребецъ какъ гора и погналъ вороного коня. Погналъ, догоняетъ и рветъ его. Вороной конь уклоняется туда, сюда, и когда кончилось полотно и дошло до тѣла, онъ обернулся назадъ и началъ бороться. Отъ пыли, поднявшейся съ земли, стало темно и нельзя было узнать день, или ночь. Потомъ въ одящъ день, вдругъ, — пыръгъ! — взвпласъ къ небу черная пыль! Молодецъ: «вороной мой, кажется, побѣдилъ!» говоритъ, побѣждалъ; побѣждаетъ, а вороной конь придавилъ соловаго жеребца навзничъ своими четырьмя ногами, захватилъ въ три раза своимъ золотпстымъ какъ хадакъ клыками его красное горло и визжитъ. Подбѣжалъ тогда молодецъ, заарканилъ соловаго жеребца, осѣдлалъ своего вороного Хамбарійинъ, сѣлъ на него, а соловаго жеребца повелъ въ поводу. Соловый жеребецъ бьется, упирается, неидетъ. Сталъ его бить молодецъ своею черною плетью «арастинъ» по обѣимъ сторонамъ позвонковъ, пока обвѣсла (куски мяса); и въ ту пору соловый жеребецъ, оглянувшись назадъ, проржалъ три раза такъ, что земля заколыхалась. И вотъ сзади его, со

дна морскаго выходятъ двѣнадцать соловыхъ кобылъ, съ двѣнадцатью соловыми жеребятами, у которыхъ золотая веревочка для привязи, золотыя оброти, золотыя палочки для привязыванія, золотые кольшки да золотая колотушка. Послѣ этого, какъ повели жеребца и они пошли въ слѣдъ. Скакали они оттуда, не считая день за день и ночь за ночь, и какъ доѣхали, дѣвушка, увидавши свой табунъ, повѣсила на локти два большихъ ведра, подошла, изловила, при помощи молодца, жеребятъ съ привязанными веревочками, укрѣпила веревочку на кольшкахъ, стала при помощи молодца припускать жеребятъ къ кобыламъ и надояла молока два ведра полностью. Тутъ же въ землѣ выкопала она печь, поставила большой котель, развела огонь, вылила молоко въ тотъ котель, стала кипятить и говорить хану: «если искупаешься въ этомъ молокѣ, пойду замужъ; а не искупаешься—не пойду». Ханъ испугался: «Какъ же я полѣзу?» говорятъ, «пускай вмѣсто меня лѣзетъ этотъ мой молодецъ Харăдай мѣргѣнъ. Влѣзъ тогда молодецъ, а какъ вылѣзъ, то и сталъ прекраснѣйшимъ молодцемъ въ мѣрѣ. Увидалъ это ханъ, «и я полѣзу!» говоритъ, — бултыхъ! Но молоко это, коль скоро влѣзалъ въ него человѣкъ, превращалось въ ядъ, поэтому ханъ влѣзъ и умеръ. Потомъ молодецъ взялъ за себя ту дѣвушку, а какъ въ томъ царствѣ не было никого съ нимъ равнаго, то онъ вступилъ на ханскій престолъ, провозгласилъ себя ханскимъ титуломъ и сдѣлался ханомъ. Послѣ того молодецъ поручилъ управление и всѣ дѣла того кочевья одному рачительному чиновнику, приказалъ вносить ему подати и повинности, взялъ дѣвушку, собралъ ея табунъ и поѣхалъ назадъ. Какъ пришелъ онъ и представился своему царственному родителю, ханъ спрашиваетъ: «здорово-ли ѣздилъ, докуда доѣхалъ и что за страну видѣлъ?» «А молодецъ въ своемъ докладѣ говоритъ: «ѣздилъ я въ подземное царство; привезъ черный оселокъ, да вороного коня Хамбарыйнъ, принадлежавшіе старыку, имѣющему способность превращаться въ змѣю. По дорогѣ въ наше царство заѣзжалъ къ хану—шахматному игроку и привезъ прекраснѣйшую дѣвушку въ мѣрѣ и ея доиный табунъ. Изъ за этой прекраснѣйшей дѣвушки ханъ, шахматный игрокъ, умеръ, а я овладѣлъ его кочевьями. И такъ, предполагая, что, по всей вѣроятности, я видѣлъ ту страну, которой вы не видывали, я воротился». — Говоритъ ханъ: «Ну ладно! Мои глаза и не ослѣпали; я только сказалъ, что ослѣпъ, чтобы видѣть, хороши ли дурны мои сыновья! Теперь ты, повидямому, не погубишь мое имя!» Съ этими словами устроилъ онъ несказанный, радостный ширъ, возвелъ на престолъ молодца Харăдай мѣргѣна, провозгласилъ его ханскимъ титуломъ и сдѣлалъ ханомъ. Сдѣлался тогда Харăдай мѣргѣнъ ханомъ и доставилъ миръ и довольство своимъ подданнымъ, заботясь о нихъ по божескимъ законамъ.

А. Позднѣевъ.